

Имена и времена

Валерий Чудов

Валерий Чудов
Имена и времена

«Автор»

2025

Чудов В.

Имена и времена / В. Чудов — «Автор», 2025

В сборник включены исторические рассказы о замечательных людях России и Беларуси 19-го — 20-го веков. Их имена малоизвестны, забыты или полузабыты. Военачальники, мореплаватели, исследователи, ученые, деятели культуры верой и правдой служили Отечеству, тем самым прославляя его. Адресовано широкому кругу читателей, интересующихся отечественной историей и культурой.

© Чудов В., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Осип Сенковский – ученый, писатель, журналист	5
Михаил Вронченко – выдающийся геодезист и географ	16
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Валерий Чудов

Имена и времена

Осип Сенковский – ученый, писатель, журналист

Осип Иванович Сенковский – российский писатель, блестящий журналист, известный ученый-востоковед и лингвист. Редактор первого русского массового «толстого журнала» «Библиотека для чтения». Основатель прославленной Петербургской школы ориенталистики. Родоначальник русской фантастической прозы. Удивительный и талантливый человек!

Барон Брамбеус – литературный псевдоним писателя и имя героя многочисленных его произведений.

Петербургский книгопродавец и книгоиздатель Смирдин был доволен. Уж полгода, как его книжная лавка переехала из скромного помещения у Синего моста в трёхэтажный флигель на Невском проспекте, который до этого был лютеранской церковью Святого Петра. Тогда он устроил грандиозный обед в честь новоселья. На нём присутствовали все, кем могла тогда похвастаться русская литература. Были Пушкин, Гоголь, Крылов, Жуковский, Вяземский, Греч, Булгарин, Хвостов и другие известные литераторы. После обеда гости решили составить общими трудами альманах для Смирдина и назвать его «Новоселье». Каждый обязался сообщить для журнала статью.

Стук в дверь прервал приятные воспоминания книгоиздателя. Заглянул секретарь:

– Александр Филиппович, к вам господин Сенковский...

– Проси.

В кабинет вошел молодой, начинающий полнеть мужчина, среднего роста, с гордой посадкой головы. Большие карие глаза и пухлые губы выделялись на красивом, с правильными чертами лице. Смирдин встал, обменялся с гостем рукопожатиями через стол и указал на кресло напротив:

– Прошу, Осип Иванович, присаживайтесь.

Оба хорошо знали друг друга. Встречались и по делам и на светских приемах. Сенковский был известным ученым-востоковедом, профессором, членом-корреспондентом Академии наук, преподавал в Санкт-Петербургском университете восточную и турецкую словесность. Занимал должность цензора в петербургском цензурном кабинете. Смирдин знал и о первом опыте Сенковского в русской литературе – цикле «Восточные повести», которые, в сущности, были наполовину переводами с восточных языков. Они печатались в «Полярной звезде», «Северных цветах» и «Альбоме северных муз». Этот цикл был прекрасным сплавом литературы и востоковедения, созданный зрелым мастером-филологом. Одна из этих повестей – «Витязь буланого коня» – даже получила высокую оценку Пушкина: «Арабская сказка прелесть...» Два года тому назад Смирдин купил у Сенковского перевод книги Морриера «Хаджи-баба в Лондоне», а в прошлом году еще и «Похождения Хаджи-баба в Персии и Турции». Обе книги он издал и тогда же посоветовал: «Оставьте ваши переводы, Осип Иванович! Как бы хороши они ни были, вы все-таки должны заниматься другим. Сочиняйте сами!»

– Прекрасное у вас новое помещение, Александр Филиппович, – похвалил Сенковский, усаживаясь в кресло.

– Что же вы, Осип Иванович, не посетили мой обед по случаю переезда на новое место? – поинтересовался Смирдин, тоже устраиваясь за своим столом. – Я ведь вам пригласительный послал.

– Вы уж извините меня, Александр Филиппович, приболел я тогда, некстати.

– А жаль. Были известные личности. Обещали «Альманах» составить из своих произведений. И вот уже почти все прислали свои статьи. Да и вы обещали несколько своих сочинений.

Хозяин кабинета понимал, что причиной отсутствия Сенковского на обеде было вызвано отнюдь не его болезнью, а разногласиями, царившими в литературном мире. В нем почти каждый считал себя величиной и знаменитостью, а других не любил и даже ненавидел. Очевидно, самолюбивый Сенковский к некоторым из них также не испытывал дружеских чувств.

Смирдин вздохнул. Он был человеком честным и бескорыстно преданным книжному делу. Но в то же время, как купец (сын московского торговца полотном), вследствие своего купеческого разума, не понимал всех противоречий между литераторами. Поэтому его заветной мечтой была мысль об объединении всех крупных писателей под его книгоиздательской эгидой. Устраивая обед в честь новоселья, он надеялся, что положит начало к всеобщему примирению. Таким актом примирения должен был стать альманах «Новоселье».

– Я по этому поводу и пришёл к вам, Александр Филиппович, – заявил Сенковский. – Принес пару своих опусов для «Новоселья».

– Очень хорошо, – обрадовался Смирдин, – рад и премного благодарен.

– Но у меня еще одно дело к вам есть.

– Ну что ж, готов выслушать вас.

Сенковский встал и прошёлся по кабинету. Движения его были энергичными и порывистыми. Вдруг он остановился и посмотрел на Смирдина:

– Простите, Александр Филиппович, это у меня привычка такая профессорская – походить перед тем, как начать излагать свои мысли.

– Ничего, Осип Иванович, говорите.

– Мне нужна ваша помощь. Я хочу издавать журнал. Ежемесячный. Толстый. Чтобы он был интересен для всех слоев общества.

Книгоиздатель удивился. Такого он не ожидал.

– А кто будет редактором?

– Я.

– Тогда изложите ваше видение журнала.

– Это будет журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод. Думаю назвать его «Библиотека для чтения». В нем будут семь разделов: русская словесность, иностранная словесность, науки и искусства, промышленность и сельское хозяйство, критика, литературная летопись и, наконец, смесь. Всё, чем интересуются люди. Он будет выходить каждый месяц к первому числу. В каждой книжке 25-30 печатных листов. Две книжки образуют том. Чтобы журнал читали и в провинциях, его надо пустить по подписке.

– Ну, с русской словесностью – ясно, а кто будет вести иностранную?

– Я сам буду делать переводы.

– Сколько же вы языков знаете, Осип Иванович?

– Я свободно пишу и разговариваю на пяти языках, – улыбнулся гость. – К ним ещё знаю с десяток.

– Удивительно! – покачал головой книгоиздатель. – И какой же вы планируете тираж?

– Три, а, может, и пять тысяч экземпляров.

– Ого! – воскликнул Смирдин. – Это размах.

– Если журнал будет интересен, то так оно и будет!

– Хорошо. Я – не против, Осип Иванович. Но вернемся к этому разговору в следующем году. А сейчас главное – выпустить альманах. И вас я попрошу написать к нему предисловие.

В тот день, придя домой, Сенковский сказал жене: «Кажется, я его уговорил».

А Смирдин после ухода гостя долго сидел, размышляя о сделанном предложении. Оно было заманчивым. Российская журналистика была в упадке. Журналы хирели и закрывались. Открывать новый журнал было бы риском. Для того чтобы предпринять крупное издание в 1833 году, нужно было обладать не только смелостью изобретателя и прожектёра, но и проницательностью Сенковского. «Но в то же время, – думал Смирдин, – если журнал будет энциклопедическим, интересным для всех слоев общества, от мала до велика, это будет прорыв». И он не ошибся.

Осип Сенковский родился 19 марта 1800 года в поместье Антоколон (в пятидесяти верстах от Вильны), которое принадлежало его матери, урожденной белоруской (в девичестве Буйкова).

Школьные годы Сенковского прошли как нельзя более удачно. Быстрые способности при необыкновенной памяти, облегчили первоначальное домашнее воспитание мальчика. Происходило оно под надзором образованной матери, которая до конца своей жизни (в сороковых годах) с восторгом следила за блистательными учеными и литературными успехами своего излюбленного сына. К тому же, его учебой дома (в имении матери, в Виленской губернии) руководил родственник по материнской линии – профессор Гроддек.

Подросток рано познакомился с классическими языками и в четырнадцать лет поступил в Минский коллегийум, основанный и управляемый знающими педагогами-монахами на прочной и разумной классической основе. Но там он оставался недолго. Гроддек, говорил, что в коллегийуме ему нечего делать, и посоветовал матери поскорее отпустить сына в Вильно, в университет, где сам читал греческую и латинскую словесность.

«Мой наставник в греческой литературе, Гроддек, – писал Сенковский тридцать лет спустя – был один из ученейших немцев, мастер на сводки, на разночтения, известный в греко-латинском мире комментатор и издатель нескольких трагедий Софокла и Еврипида. Эрудиция его казалась нам еще громаднее его горба. Несмотря на изысканный педантизм, чтения его приносили нам большую пользу, осваивая с текстами классических поэтов. Первою нашей любовью был Гомер. Мы обожали этого слепого нищего старика, мы проводили целые ночи в обществе несравненного ионийского бродяги, слушая его бойкие живописные рассказы. С восторгом, но без восторженности, без ученых преданий, без теорий, беседовали мы с ним об этом странном мире, из которого прикочевал он петь нам свои уличные рапсодии. Счастливые времена, счастливые нравы, сладкие воспоминания!»

Здесь же, в Виленском университете, благодаря лекциям Лелевеля и наставлениям того же Гроддека, Сенковский заинтересовался Востоком. «Гроддек, – вспоминал Сенковский, – заохочивал нас к изучению Востока, его нравов, понятий, литератур и говорил: «Через него вы яснее поймете Древнюю Грецию. Востоком объясняется Греция, Грецией – Восток; они родились, выросли и умерли вместе. Ройтесь во всех развалинах, сравнивайте все, что ни найдете здесь и там; тут есть сокровища, еще не ведомые нынешнему разуму». Сенковский, не откладывая дела в долгий ящик, принялся самоучкою за изучение арабского, еврейского и других восточных языков.

В юноше рано проявились две особенности его дарования – стремление к энциклопедичности и юмор. Он увлекся Востоком, но это нисколько не помешало ему заниматься медициной, естественными науками, литературой и историей. Как юморист он был самым деятельным членом «Товарищества шалунов», в котором председательствовал профессор Виленского университета филолог Снедецкий. Весёлое товарищество издавало в конце 1816 года юмористический листок, имевший огромный успех у публики. Сенковский принимал участие в выпуске этого журнала в качестве одного из остроумнейших сотрудников. Желая показать, что

шутка не мешает делу, он перевел с арабского языка на польский басни Лукиана. Затем издал их в 1818 году с введением и посвящением: «Товариществу шалунов» от «непременного его члена». Это были первые шаги юноши на поприще литературы. Через несколько месяцев после этого, в 1819 году, он окончил университетский курс. Профессора возлагали на него большие надежды, но Сенковский бредил только Востоком. Он задумал отправиться туда путешествовать, и даже недостаток денег не останавливал его. Деньги, впрочем, нашлись. Мать собрала для этого последние крохи. Ещё некоторая сумма, хотя и неполная, была предложена виленскими литературными и учеными обществами в счет гонорара за статьи, которые юный ученый по собственному желанию обещал высылать во время своего путешествия. Кроме того, накануне отъезда Сенковский женился на одной виленской красавице. Именно она вместе с рукой и сердцем добавила ему недостающую для поездки сумму.

1 сентября 1819 года путешественник выехал из Вильны и к декабрю прибыл в Константинополь. Там он явился в российскую миссию, чтобы отметить. Русским посланником при Оттоманской Порте был тогда опытный дипломат барон Григорий Александрович Строганов, умный и просвещенный вельможа. Ему сразу понравился бойкий, остроумный и ученый молодой путешественник. Он тотчас оценил всю пользу, какую Сенковский может принести как дипломат здесь на Востоке. Поэтому, выслушав юношу, он предложил:

– Не желаете ли, Осип Иванович, поступить на службу в нашей миссии, под мое начальство?

Предложение было неожиданным, и Сенковский замешкался. Видя его смущение Строганов, продолжил:

– Подумайте, я вас не тороплю. При этом вам предоставляется полная свобода в принятом путешествии, которое можете считать приготовлением к этой службе.

Сенковский не мог не принять столь лестного предложения, тем более что частной его дорожной суммы не доставало бы на дальнейшее путешествие. Барон Строганов сделал тогда же представление государственному канцлеру графу Румянцеву, и Сенковский был причислен к константинопольской миссии с 1820 года. Сверх того, по положению Комитета Министров, ему было выделено «за успехи в науках» шестьсот рублей серебром из сумм виленского университета, от которого он ничего не получил при отправлении в путешествие.

Таким образом, служебное поприще молодого востоковеда казалось обеспеченным по дипломатической части.

Пробыв недолго в Константинополе, Сенковский отправился на берега Малой Азии, а затем в Сирию, где предполагал остаться на более продолжительное время, для усовершенствования себя в арабском языке. Там он учился у востоковеда Антона Арыды, профессора восточных языков в Вене, автора нескольких сочинений об арабском языке, основавшего семинарию для изучения восточных языков.

С жадностью и настойчивостью Осип Иванович принялся изучать арабский язык, арабские рукописи, географию, этнографию и древности Сирии, а затем бродить с места на место с книгами за плечами и с твердой уверенностью в том, что нельзя понять жизни Востока, не научившись предварительно думать на тех языках, которыми говорит Восток. В своем рвении к науке его не останавливали ни тяжелые условия жизни, ни скудость пищи, ни климат, непривычный северному человеку.

В Сирии Сенковский прожил около семи месяцев и в ноябре 1820 года был уже в Александрии. Здесь и в Каире он пробыл около трех месяцев, изучая местное наречие. А в феврале 1821 года молодой дипломат отправился вверх по Нилу, посетил пирамиды и исторические развалины древнего Египта и проник в Нубию и Верхнюю Эфиопию до Дар-Махана, крайнего предела его странствований в Африке. В чалме и восточной одежде, изъясняясь по-арабски на чистом сирийском диалекте, хаваджа (господин) Юсуф – так называли Сенковского на Востоке – мог безопасно делать наблюдения нравов и быта жителей Нильской долины.

В это время разгоралась греческая революция. Россия готовилась к разрыву с Оттоманской Портой. Русским подданным, как единоверцам с греками, было опасно находиться в ее владениях.

Сенковскому надобно было спешить возвращением в Европу. Незадолго перед тем, его занимала мысль перевезти в Россию знаменитый дендерский зодиак, древнее астрономическое изваяние на камне, вделанное в потолок дендерсакого храма. С помощью своего служителя Сенковский вырубил камень из потолка и загрузил его на барку, чтобы вести в Александрию и оттуда в Россию. Вести о греческом восстании и разрыве с Портой принудили его оставить это предприятие.

В июле 1821 года русский посланник барон Строганов покинул турецкую столицу вместе со всей российской миссией в Константинополе в знак протеста против наложения Турцией эмбарго на товары, провозимые кораблями под российским флагом, и запрета греческого судоходства в проливах.

Двадцать второго июля 1821 года Сенковский покинул Египет и из Александрии отправился на австрийском купеческом судне в Европу. В Архипелаге корабль не раз встречался с греческими пиратами, но благополучно миновал опасности и прибыл в Константинополь. Оттуда Сенковский, наконец, добрался до Одессы.

Путешествие Сенковского продолжалось немногим более двух лет, считая со дня его отъезда из Вильно. За короткое время молодой ученый усовершенствовал себя в турецком и арабском языках. Выучился персидскому, новогреческому и итальянскому языкам. Всесторонне изучил страны, где побывал. Он постигал мусульманский Восток в его рукописях и живом быте. Усваивал его религию, законы, литературу, предания, суеверия, нравы и обычаи. Он приобрёл всё, что только можно приобрести из знаний на Востоке, чтобы стать первостепенным ориенталистом (востоковедом). Сенковский вернулся с богатым запасом сведений по восточной лингвистике. Вывез массу ценных наблюдений и немало любопытных памятников старины, в том числе, старинные арабские рукописи.

Из Одессы Сенковский отправился в Вильну, чтобы проведать мать и жену. Пробыл он там недолго, после чего выехал в Петербург. Все-таки он принадлежал дипломатическому корпусу, и ему надо было отчитаться за свое путешествие. Наука, история, политика, география, торговля и промышленность мусульманского Востока были изучены Сенковским так, как если бы он был дипломатическим представителем России, отправившимся в путешествие со специальными политическими задачами. Эти знания не могли оставаться без применения в России двадцатых годов, для которой восточный вопрос был генеральным вопросом всей внешней политики. Вот почему выбор между Варшавой и Вильно был сделан Сенковским в пользу Петербурга.

Тотчас же по прибытии в столицу России он был принят государственным канцлером графом Румянцевым, получил двести червонцев за «успешное приготовление себя к службе» и был зачислен на службу переводчиком Коллегии иностранных дел с жалованием 2500 рублей ассигнациями.

Более того, в июле 1822 года он был назначен ординарным профессором Санкт-Петербургского университета, получив сразу две кафедры – арабского и турецкого языка, сохранив за собой жалованье, которое получал по константинопольской миссии из министерства иностранных дел.

Сенковский не сразу был назначен на эти кафедры. Во-первых, ему было еще только 22 года, для ординарного профессора он был слишком молод. Во-вторых, он знал так много языков, что, казалось, не знает ни одного. Оба препятствия были устранены: в послужном списке Сенковскому прибавили два года; знаменитый ориенталист, член Академии наук Френ выдал ему аттестат, в котором писал, что «г. Сенковский совершенно способен занять с честью и пользою кафедру арабского языка и столько же может быть полезен и на поприще дипломати-

ческом». Он прибавлял также, что в отношении разговорного арабского языка Сенковский так силен, что он, Френ, не смеет и меряться с ним, «изучав этот язык только по книгам, рукописям и памятникам».

Но у Сенковского было в руках еще одно преимущество, которое делало его единственным кандидатом на вакантные кафедры: он был уже тогда лучшим специалистом по турецкому языку, знание которого было в двадцатых годах высококачественным дипломатическим товаром.

Следующее за этим годом десятилетие было посвящено Сенковским главным образом научным трудам. Его переводы, лингвистические и грамматические исследования высоко ценились современниками.

Краковский университет поднес ему диплом на звание доктора, он был избран членом Общества любителей наук в Варшаве, членом Азиатского общества в Лондоне и членом-корреспондентом Русской Академии наук.

Словом, ученая карьера удалась. В конце двадцатых годов он был знаменитым ученым.

Среди преподавателей-ориенталистов Сенковский был звездой первой величины. Он не только с увлекательностью и основательностью объяснял свой предмет, но и побуждал слушателей к учёным занятиям, развивал в них жажду знаний. Его лекции не ограничивались языком и литературой, а были живою энциклопедией науки о Востоке. Профессор объяснял понятия и идеи слов, вводил слушателей в местный быт, знакомил их с историей и топографией. Нередко он выходил за пределы Востока, чтобы показать параллельные явления в Греции, Риме или Европе, разбирал критические европейские сочинения о Востоке, указывал путь к самостоятельным исследованиям.

Как преподаватель восточных языков и словесности, Сенковский основательно и глубоко знакомил слушателей со своим предметом, создавая, таким образом, плеяду достойных последователей. Фактически, Сенковский стал основателем прославленной впоследствии школы русской ориенталистики. Многие из его учеников внесли крупный вклад в развитие русского востоковедения. В этом его заслуга перед Россией. Другая заслуга Сенковского, как русского профессора, состояла в значительном влиянии на слушателей в отношении умственного развития и пробуждения любви к науке вообще. А в этом они очень нуждались. Большая часть профессоров того времени придерживалась нетворческих, схоластических методов. Они состояли в том, чтобы студенты заучивали наизусть пройденные им лекции и дальше их ничего не знали. Сенковский же требовал от слушателей знания отчётливого, живого и основанного на источниках, а не на авторитетах, которых он никогда не признавал.

Еще в 1822 году молодой, талантливый профессор сошёлся с тогдашними петербургскими литераторами Булгариным, Гречем, Бестужевым-Марлинским и участвовал в выпусках ряда журналов. Но быть блестящим профессором и сотрудником журнала было мало для деятельной натуры. Сенковский по характеру был не только кабинетным ученым. Его влекло в публицистику, в литературу.

Первым его опытом в русской литературе стал цикл «Восточных повестей», которые наполовину были переводами с восточных языков. В «Полярной звезде на 1823 год» была опубликована повесть «Бедуин», в следующем выпуске альманаха – «Витязь буланого коня». В «Полярной звезде на 1825 год» появились сразу три повести: «Деревянная красавица», «Истинное великодушие» и «Урок неблагодарным». Позже в «Северных цветах» были напечатаны повести «Бедуинка» и «Вор», в «Альбоме северных муз» – «Смерть Шанфария».

В 1827 году в газете «Северная пчела» опубликовал первый его опыт в пародийно-сатирическом наукообразном жанре. В 1828 году научный памфлет вышел отдельным изданием на французском языке под названием: «Письмо Тутунджи-оглы-Мустафа-аги, истинного турецкого философа, г-ну Фаддею Булгарину, редактору «Северной пчелы»; переведено с русского и

опубликовано с учёным комментарием Кутлук-Фулада, бывшего посла при дворах бухарском и хивинском, а ныне торговца сушёным урюком в Самарканде».

К началу тридцатых годов, когда становится совершенно ясным, что служебная карьера кончена, Сенковский совершенно охладевает и к университету, и к своему положению в нем.

В 1828 году он назначается цензором в петербургский цензурный кабинет. В том же году развёлся со своей первой женой. А в следующем – вступил в брак с дочерью бывшего придворного банкира Раля, Аделаидой Александровной, весьма образованной и милой дамой, которая всегда восторженно смотрела на мужа.

Должность цензора, которую он занимал до апреля 1833 года, имела немалое влияние на его литературную судьбу. Поставленный в обязанность следить за русской литературой, он сблизился с ней, узнавал ее лучше и кончил тем, что сам принял деятельное в ней участие. Уже в это время родилась в нем мысль сделаться русским журналистом.

К этому времени Сенковский начинает тяготиться своими профессорскими обязанностями как докучливым делом, отвлекающим его от журналистики, которая с 1832 года занимает все его внимание и время. Еще в 1829 году он предполагал издавать в Петербурге «Всеобщую газету», политическую, торговую, ученую и литературную (3 раза в неделю) на акционерных началах. Однако проекту Сенковского не суждено было осуществиться. Но он не сдавался и в 1832 году обратился к книгоиздателю Смирдину с предложением создать журнал «Библиотека для чтения».

Начало 1833 года было тяжёлым для Сенковского: скоропостижно скончалась от болезни сестра жены, умер его тесть, сам он опасно заболел. Когда он уже начал выздоравливать, к нему зашёл Смирдин. Принёс первый номер альманаха «Новоселье» и обрадовал больного:

– Я согласен на издание вашего журнала. Выздоровливайте и начинайте готовить материал, а я займусь официальными бумагами.

Альманах «Новоселье» сразу же привлёк внимание публики. В нем были напечатаны «Сказка о царе Берендее» Жуковского, «Домик в Коломне» Пушкина, новые басни Крылова, стихотворения Баратынского, Гнедича, Вяземского... Предисловие написано Сенковским. Среди этих знаменитостей блеснуло имя одного писателя, которое само по себе ничего не говорило читателю. Очень странное имя – Барон Брамбеус. В альманахе этим именем были подписаны два нашумевших произведения – наполовину повести, наполовину фельетоны: «Большой выход Сатаны» и «Незнакомка». За фантастическими, невероятными ситуациями этих повестей угадывался автор, склонный к насмешке, к злой и иронической шутке, скептически относящийся к авторитетам. И в то же время это был писатель весьма начитанный, образованный, понимающий вкусы и интересы читателей, тонко чувствующий литературную ситуацию времени.

В этом же 1833 году вышли «Фантастические путешествия Барона Брамбеуса» – веселое, остросюжетное повествование о невероятных похождениях неунывающего барона (в чём-то похожего на барона Мюнхаузена). В книге были и серьёзная научная полемика, и литературная пародия, и пессимистическая насмешка над бессмысленностью человеческого бытия. Для публики и литераторов 30-х годов 19-го столетия это экзотическое имя сразу же стало одним из популярнейших. Известность его достигла небывалых размеров. Сам Сенковский, таким образом, стал основателем русской научно-фантастической прозы.

Барон Брамбеус начинал свой взлет, а вместе с ним и писатель Осип Сенковский, который никогда не отделял себя от своего литературного героя и не расставался с ним до конца жизни. Этим же псевдонимом писатель и журналист подписывает впоследствии большинство своих многочисленных произведений и статей.

Осенью 1833 года появилось объявление от имени книгопродавца А.Ф. Смирдина о начале издания в Санкт-Петербурге с 1834 года грандиозного, ежемесячного, толстого, энцикло-

лопедического журнала под названием «Библиотека для чтения». Объявление было подписано Сенковским и Гречем как редакторами нового журнала, который должен был соединить в себе все русские литературные силы. Программа его была обширна и также, как и внешний вид, послужила образцом для всех последующих русских ежемесячных учёных литературных журналов по 60-е годов 19-го столетия. Журнал должен был выходить с января 1834 года книжками около 20 печатных листов. Годовое издание стоило 15 рублей, с пересылкой – 16 рублей 50 копеек. Авторы статей, вопреки существовавшему прежде обычаю, получали гонорары, и весьма хорошие. Смирдин денег не жалел. Первая книжка «Библиотеки для чтения» на 1834 год вышла в свет и была разослана петербургским подписчикам накануне Нового года. В книге фигурировали все знаменитости: Пушкин, Жуковский, Греч, Булгарин, Полевой, Погодин и другие. Сам Сенковский для первого номера дал научную статью о скандинавских сагах и остроумную, оригинальную повесть под названием «Вся женская жизнь в несколько часов», где очень талантливо рассказана о судьбе бедной институтки, влюбившейся в шалопая. Успех журнала был колоссальный. Однако сразу же после выхода первого номера начались нападки на журнал. Как со стороны прессы, так и со стороны цензуры. Дошло до того, что уже в январе 1834 года, Сенковский был вынужден не только отказаться от редакции «Библиотеки для чтения», но и напечатать в «Северной пчеле» о том, что он снимает с себя обязанности редактора. Столь блестяще начатая карьера журналиста готова была оборваться. Страсти улеглись лишь после того, как учредители пообещали остаться вне партий, отказаться от споров с другими журналами, не отвечать на выходки и критику, не предпринимать анти-критику. Сенковский вернулся к редакторству и с этого поста уже не уходил.

В течение семи лет с 1834 по 1840 годы «Библиотека для чтения» была, в буквальном смысле слова, законодательницей в области русской литературы. А её редактор, в котором публика узнавала фантастического «Барона Брамбеуса», достиг небывалого до него успеха.

Сенковский смело мог назвать «Библиотеку для чтения» своим собственным журналом. Фактически Греч не участвовал в работе. Его имя было чисто номинальным. А вскоре оно вообще исчезло с первого листа. Сенковский был и редактором, и сотрудником, и корректором, и подчас переводчиком. Он работал с юношеским жаром, нисколько не заботясь о своем здоровье. Вечно сидел у себя в кабинете, зарывшись в книги и рукописи. Отдыхал всего-навсего один или два дня в месяц. Ни одна статья, ни одна самая крошечная заметка не миновала его рук. Осип Иванович сам выполнял всю работу по сбору и подготовке материала. Кроме того, давал в каждый номер свои произведения – повести, фельетоны, научные и критические статьи, заметки, обзоры. Подписывался он, в основном, «Барон Брамбеус». Именно первые годы «Библиотеки для чтения», когда редактор её был невероятно загружен журнальными хлопотами, стали самыми плодотворными годами в литературной деятельности Барона Брамбеуса. Он появлялся в журнале во множестве обликов. Был и критиком, и рецензентом и судьей. От литературных приговоров Барона Брамбеуса зависели судьбы книг и славы писателей. Журналы постоянными выходками против «Библиотеки для чтения», называя его Чингисханом и Батыем, больше способствовали увеличению интереса к ней публики, чем вредили редактору.

Как-то в доме одного генерала собрались гости для встречи Нового года. За четверть до полуночи позвонили в дверь, принесли номер «Библиотеки для чтения». Хозяйка дома, образованная и остроумная женщина, взяла журнал и, не удержавшись, открыла его. Стихи Пушкина! Тут же прочитала всем гостям. Прелестно, жаль, что мало! А что дальше? Дальше повесть Барона Брамбеуса. Но она длинна, прочтём потом. А сейчас надо взглянуть, как начинается. Хозяйка читала и читала. Все слушали. Когда же она кончила, оказалось, Новый год наступил. И никто не слышал, как пробило полночь. Таков был интерес к Барону Брамбеусу.

Работа увлекала Сенковского, тем более, что она сопровождалась огромным успехом. За один 1834 год количество его личных произведений составляли 60 печатных листов, или около 1000 страниц. И днём и ночью он не отрывался от письменного стола, пока не доводил до конца

заданного себе труда. Ложился, когда уже утомление и даже изнеможение давало знать. Накануне выхода книжки он проводил день и ночь в типографии, чтобы быть уверенным в непрерывном появлении её первого числа. Только потом успокаивался и позволял себе отдохнуть день-два. На третий уже начиналась мучительная работа для следующей книжки.

Ещё в 1833 году Сенковский ушел с должности цензора, но университетскую кафедру не оставил. Стал лишь реже появляться в университете. Тянул своё профессиональное дело только ради пенсии. При таких условиях исполнялось оно, конечно, уже неважно. А лет через десять фактически отошёл от активной научной деятельности. С начала 30-х годов его биография стала биографией писателя.

Замысел Сенковского состоял в том, чтобы дать русскому читателю идеальный массовый, популярный печатный орган. И он добился своего. Первые годы существования «Библиотеки для чтения» – это образцы его блестящей профессиональной редакторской деятельности. Каждый номер журнала нёс на себе отпечаток личности его создателя. «Библиотека для чтения» была изданием новаторским. Это был первый в России журнал энциклопедического типа, охватывавший практически все стороны жизни образованного русского человека. Не только «словесность» и «науки», но и «хозяйство», «промышленность», «новости», «моды»!.. Объём «Библиотеки для чтения» доходил до 30 печатных листов. При этом Сенковский, в противовес прежним дилетантским представлениям о журнале, стремился утвердить единый стиль, цельный ансамбль всего издания. Каждая статья должна быть компонентом единого целого. Забота о журнальном «духе» диктовала требование жесткой редактур, которая отнимала много сил у Сенковского. Он был, в силу обстоятельств, совершенным хозяином своего журнала. Его ум, широкое образование и природная властность натуры вели к тому, что он, не только не стеснялся поправлять статьи своих сотрудников, но прямо изменял их по своему произволу. Такому изменению подвергались и учёные статьи, и романы, и повести, в которых Сенковский бесцеремонно менял не только расположение частей, но и самую сущность произведения, так называемую «интригу», «завязку» и «развязку». Конечно, такое отношение к чужому литературному творчеству поселило вражду между сотрудниками (то есть литераторами, которые писали для журнала) и редактором. Поэтому более независимые, при первой же возможности, уходили из «Библиотеки». Сарказм Сенковского находил для себя обильную пищу в неприглядной массе, выходявших тогда, русских книг. Он беспощадно бичевал в своем разделе «Литературная летопись» бездарных писателей и ограниченных квази-учёных. Нередко сарказм редактора доходил до крайности, и он позволял себе печатно просто шутовские выходки. Конечно же, за подписью «Барона Брамбеуса». Впрочем, Пушкин печатался в «Библиотеке для чтения» до 1836 года. Там были напечатаны: «Пиковая дама», «Гусар», «Сказка о рыбаке и рыбке», «Сказка о золотом петушке», «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях», несколько баллад и элегий, отрывок из «Медного всадника», «Кирджали» и другие. До 1837 года печатался в журнале Одоевский. В 1835 году в журнале появилась поэма Лермонтова «Хаджи-Мурат».

Новым для русского читателя было и то, что «Библиотека» выходила точно в срок: каждое первое число месяца. Точность доходила до анекдотов. Рассыльные, боясь гнева Сенковского, переправлялись через Неву, с риском для жизни, даже во время ледохода.

«Библиотека для чтения» с первой же книжки встала во главе русской журналистики. План её как нельзя лучше соответствовал потребностям русской публицистики, ещё недостаточно подготовленной для специальных журналов и серьезных сочинений, но жаждавших чтения, новостей и легко приобретаемых знаний. Публика требовала чего-нибудь полегче, поинтереснее, позанятнее и терпеть не могла думать и задумываться. У неё была жажда познания в форме элементарного любопытства. Даже статьи по химии, она требовала, чтобы те были повеселее. Редактору предстояла трудная и едва ли особенно благодарная работа – заставить

читателя думать, не показывая, однако, вида, что преследуется столь великая цель. Заставить читателя приобретать знания, развлекая его анекдотами и шутками. Целью журнала было знакомство читателя посредством перехода от легкого чтения повестей, стихов, романов к предметам более важным – к европейским литературе и наукам. В основу этого были избраны занимательность и доступность. Все важные открытия и новости в области наук и словесности излагались в «Библиотеке для чтения» так, что даже неподготовленный читатель с удовольствием пробегал учёную статью и незаметно для себя приучался к работе мысли.

Сенковский находился на вершине славы. Остроумный Барон Брамбеус смешил Петербург, смешил провинцию. За это его хвалили, ему платили громадные деньги. Он занимал великолепный дом, имел много лакеев, чудных лошадей, давал пышные обеды. С конца 1830-х годов в его доме стали устраиваться музыкально-литературные вечера. Приглашались популярные музыканты. Среди слушателей были братья Брюлловы (Александр Брюллов и Сенковский были женаты на родных сестрах), известный художник Ф. П. Толстой, поэты Н. В. Кукольник и Э. И. Губер, композитор М. П. Глинка. Тщеславный и надменный Сенковский бросал деньги направо и налево. Собирал вокруг себя литературных хамов и без церемоний расправлялся с ними, когда они ему надоедали. Быть может даже в гордости своей он полагал, что его слава вечна. Но жизнь решила иначе.

Более семи лет подряд «Библиотека для чтения» пользовалась громадным успехом. Несомненно, она была самым распространённым и наиболее читаемым журналом России. Особенности симпатии она приобрела среди своих провинциальных подписчиков. Те имели полное право радоваться, что регулярно, в начале каждого месяца, в их руках оказывался толстый, прилично изданный том, наполненный разнообразными и прекрасно написанными статьями. Однако время шло, и русскому обществу суждено было демократизироваться. Его убеждения, его литературные взгляды изменились. Там, где прежде общество искало одного наслаждения и отдыха, где прежде молилось одной красоте, оно стало искать идеи и общественные тенденции. Сенковский ничего этого обществу не давал. А именно интеллигентных требований и интеллигентных запросов. Тем более те требования и те запросы, которые назревали в русском обществе в бурную эпоху 1830-х годов, «Библиотека для чтения» удовлетворить не могла. Когда наступили сороковые, ей пришлось дать место другим изданиям, которые поняли, чего искала и чего хотела лучшая часть русского общества. С этого момента пошла на убыль как громкая слава Сенковского, так и громадная популярность его журнала. Публика пресытилась шутками, остротами, дерзостью Барона Брамбеуса. Ей надоело, что Сенковский пишет ради писания и острит ради остроты. К тому же он, очевидно, устал. Тяжелая карьера журналиста расстроила здоровье, надорвала силы. Он продолжал смеяться, но это уже был старческий, деланный, никому ненужный смех. Началось падение «Барона Брамбеуса».

«Библиотека для чтения» продолжала сдавать позиции. Одновременно ухудшалось и здоровье Сенковского. Ему пришлось изменить образ жизни. В 1846 году он по совету врачей провёл четыре месяца за границей. А в 1847 году уезжал на лето в Москву. В 1848 году Сенковский заболел холерой, и эта болезнь окончательно подточила его и так уже расстроенное здоровье. Он почти полностью оставил «Библиотеку для чтения». Редакцию пришлось передать в другие руки. Больной, изможденный Сенковский с этого времени только влачил существование. Страдая от безделья, он придумывал себе разные увлечения: изобретал музыкальные инструменты, занимался фотографией, создавал какую-то особенную мебель. Но это была лишь внешность. Внутри, в душе у него всё больше назревала тяжелая мысль о бессмысленно прожитой жизни, о даром потраченных силах. К началу 1850-х годов роскошная жизнь и неудачные финансовые обороты разорили Сенковского.

Время с конца 1848 года до конца 1851 года было самое тяжёлое и в цензурном отношении. Невозможно было себе представить всех придинок и притеснений, которые выносила

тогдашняя журналистика. Было много и смешного. Сенковский перевёл из одного английского журнала небольшой рассказ какого-то путешественника, который, спасаясь от медведя, влез на дерево и вдруг очутился лицом к лицу с большой обезьяной с палкой. Статью эту цензор не пропустил. Осип Иванович сам поехал узнать причину. Оказалось, эта статья была принята за сочинение Барона Брамбеуса. Дерево, путешественник и медведь, по мнению цензора, изображали Австрию, Венгрию и Россию. А большая обезьяна с палкой – такое лицо, которое цензор даже назвать не смел.

В конце жизни ненадолго ещё раз вспыхнул его талант. В журнале «Сын отечества» с 1856 года стали появляться его «Листки Барона Брамбеуса». Весёлые, остроумные, бойкие рассуждения обо всём, но, к сожалению, очень неглубокие. Их писал умирающий. Умирало тело, а дух по-прежнему беспокойно метался.

Болезненное состояние Осипа Ивановича ухудшалось и в 1858 году его не стало.

Сенковский оставил нам богатое литературное наследие – в основном повести бытового, сатирического и восточного характера. Не мог он и не коснуться столь популярной в те годы романтической темы. Но и здесь за ширмой фантастического повествования отчетливо виден улыбающийся и шутящий Сенковский.

«Библиотека для чтения» под редакцией Сенковского имела весьма серьёзное значение, как в истории русской образованности вообще, так и в истории русской журналистике в частности. Во-первых, она соединила в себе всю тогдашнюю русскую литературу, начиная с заслуженных корифеев и кончая начинающими прозаиками и поэтами. Во-вторых, она воспитала потребность в чтении у русской публики, преимущественно провинциальной. В-третьих, она распространяла в обществе массу самых разных сведений по всем отраслям знаний, теоретических и прикладных, популяризируя их в общедоступном, легком и нередко даже в фельетонном изложении. В-четвертых, она впервые поставила литературную критику на подобающую ей высоту. В-пятых, «Библиотека для чтения» в статьях Сенковского много способствовала к дальнейшему, после Карамзина и Пушкина, усовершенствованию нашего литературного языка. Его ученый редактор журнала постоянно стремился приблизить к разговорной, народной речи, изгнав из него архаизмы, обломки церковно-славянской книжности и неологизмы, преимущественно французские. Такое значение «Библиотека для чтения» могла приобрести только благодаря энциклопедически образованному и неутомимому работнику, каким был Сенковский.

Осип Иванович был человеком блестящих задатков, которым не суждено было реализоваться... Способнейший ученый, он так и стал выдающимся исследователем Востока. Одарённый писатель, он оказался интересен, прежде всего своими не свершившимися возможностями и неисполненными «ожиданиями». Замечательный журналист, редактор, он и в журнале своём не сумел реализовать себя.

Н. Г. Чернышевский писал о Сенковском (Бароне Брамбеусе): «Сколько залогов плодотворной деятельности! Учёность, пронзительный и живой ум, остроумие, умение верно понять обстоятельства, подчинить их себе, приобрести огромные средства для действия на публику, трудолюбие, сознание собственного достоинства – всё в высокой степени соединилось в этом писателе».

Михаил Вронченко – выдающийся геодезист и географ

Михаил Павлович Вронченко – русский ученый-востоковед, военный геодезист и географ, исследователь Малой Азии. Кадровый разведчик Российской армии. Генерал-майор. Его основная деятельность была связана с работами по геодезической и топографической подготовках театров военных действий. Член-учредитель и активный сотрудник Русского географического общества. Однако получил он известность главным образом благодаря своей литературной деятельности. Вронченко был первым переводчиком на русский язык «Гамлета», «Макбета», переводил произведения Байрона, Гёте, Мицкевича.

В начале марта 1834 года по дороге из Константинополя в Никомидию¹ медленно продвигалась небольшая группа людей. Впереди ехали два всадника европейской внешности: один – смуглый мужчина, одетый в русскую военную форму, второй – молодой, хрупкий блондин в гражданском платье. За ними следовали два казака. Замыкали отряд две крытые арбы, запряженные мулами. Погонщики-турки шли пешком и громко переговаривались друг с другом. Всадники ехали молча, с любопытством поглядывая по сторонам. Неподалеку от Никомидии им навстречу попала странная толпа: около сотни турецких мальчиков, лет от 12 до 17, плохо одетых, бледных и изнуренных. По бокам шло несколько солдат с ружьями, а впереди гордо шагал офицер, в мундире и... босиком. В руках он нес сапоги европейского покроя, вероятно, из-за экономии и чтобы не испачкать их в грязи. Впрочем, в этом отряде все были босы. За первой толпой тянулась другая: около 20 таких же юношей с железными кольцами на шее, скованные цепями по три и четыре. Это были рекруты из внутренних областей Анатолии². Сковали, очевидно, тех, кто пытался бежать.

Всадники и арбы остановились, пропуская процессию. Один из погонщиков кивнул головой в сторону проходящей молодежи и с улыбкой сказал, обращаясь к всадникам:

– Видите, бейзаде³, каких «победителей» собирает наш падишах? Хорошо, что мы с вами, русскими, сейчас приятели, а то куда бы вам сладить с такими молодцами!

В ответ русский офицер задумчиво проговорил:

– Как я понимаю, в турецкой армии нашему слову «рядовой» соответствует «фети», то есть «победитель». Под Силистрией⁴ я видел совсем других турецких бойцов – отчаянных и храбрых. То были достойные противники.

Офицером был Михаил Павлович Вронченко, капитан Генерального штаба русской армии по квартирмейстерской части. Согласно подорожной, он являлся секретарем русского генерального консульства в Смирне и следовал из Константинополя к месту своего назначения. Его сопровождал чиновник константинопольской миссии – драгоман (переводчик) Моисеев, и два казака-денщика. В двух арбах помещалось их имущество и оборудование для производства геодезических и топографических работ.

Появление этого маленького русского отряда в Анатолии было вызвано несколькими причинами.

¹ Никомидия – древний город в Малой Азии, центр области Вифиния. Располагался на подступах к Константинополю на берегу Мраморного моря.

² Анатолия – древнее название полуострова Малая Азия,

³ Бейзаде – знатный, благородный, князь.

⁴ Крепость Силистрия (в настоящее время город на северо-востоке Болгарии на границе с Румынией) расположена на правом берегу реки Дунай. Военные действия против турок в районе Силистрии начались в конце июня 1828 года. Осада и несколько штурмов крепости не увенчались успехом.

Первая – политическая. В 1831 году египетский паша Мухаммед (Мехмед) Али выступил против своего повелителя, турецкого султана Махмуда Второго, за свою самостоятельность и расширение владений. Его военные действия были настолько успешными, что появилась угроза уничтожения ослабевшей Османской империи. Махмуд Второй, не получив помощи, которую он просил у западноевропейских держав, обратился к России. Прибытие русского десанта на Босфор весной 1833 года укрепило позицию султана и остановило наступление египтян. В мае было достигнуто соглашение между Махмудом Вторым и Мухаммедом Али, а в июле того же года султан подписал со своей союзницей Россией Ункяр-Искелесийский оборонительный договор на восемь лет. Наступила полоса мира и дружбы между двумя странами. Появились благоприятные условия для изучения турецкого государства изнутри, чем не преминула воспользоваться российское высшее политическое и военное руководство.

Вторая причина – научная. В 30-ые годы 19-го столетия для русской, да и для мировой науки, Ближний Восток был землей малоизвестной. Географические материалы – карты, описания и отрывочные сведения о Малой Азии, которые имелись в распоряжении исследователей – были очень скудны, противоречивы и ненадежны. Возникла необходимость серьезной научно-исследовательской работы в этом регионе.

Третья причина была военно-разведывательная. Российскому Генеральному штабу требовались более точные сведения о географическом положении ряда пунктов, о населении, промышленности, торговле, климате, природных богатствах Османской империи. Очень важны были данные о состоянии дорог, горных перевалов, береговой линии и портов. Изучение территории страны предполагало создание карт различного назначения и военно-географических описаний.

В связи с этими обстоятельствами Российский Генеральный штаб принял решение послать экспедицию для обследования Малой Азии (Анатолии) и проведения там геофизических работ. Возглавить ее должен был человек энергичный, целеустремленный, с широким геополитическим кругозором, знанием восточных языков и нравов местного населения, с высокой профессиональной подготовкой. Кроме математических и военных знаний от него требовались еще проницательность, мужество и благоразумие.

Всеми этими данными обладал капитан Вронченко, шесть лет до этого проводивший военно-топографические съемки в Европейской Турции. На него и было возложено особое поручение по изучению Малой Азии.

Михаил Павлович родился в январе 1802 года. Его отец – священник дворянского происхождения протоиерей Павел Кузьмич Вронченко – служил тогда в городе Копысь Могилевской губернии. Мальчик рос любознательным, нрава веселого.

Начальное образование Михаил, как обычно в таких семьях, было домашнее. Затем его отдали в Могилевскую гимназию, где он получил среднее образование. Там наметились те интересы, которые являлись доминирующими во всей его последующей деятельности. Если в детстве, по его собственному признанию, он был упрям и ленив, то в старших классах уже учился хорошо, проявляя особенную склонность к математике, черчению и рисованию. В это же время у него возникает интерес к литературе, и юноша с увлечением читает Ломоносова, Хераскова, Державина, Карамзина, пробует свои силы в области стихосложения. Самый ранний из сохранившихся его поэтических опытов – стихотворение на смерть директора Могилевской гимназии Гриневича – обнаруживает приверженность к одической традиции XVIII века, особенно державинской.

Стихотворение написано в 1819 году. И уже в том же году Вронченко поступил в Московский университет. Однако проучился он там меньше года и уже в конце апреля 1820 года пере-

шел в московское училище колонновожатых⁵, где обучались будущие офицеры Генерального штаба. Вронченко готовился здесь к службе в квартирмейстерской части штаба, выполнявшей астрономо-геодезические и топографические работы. В сохранившихся биографических заметках, составленных, по-видимому, с его же слов, говорится, что он «род службы избрал, как кажется, более по необходимости, чем по внутреннему желанию». Вполне возможно, у родителей на тот момент не было достаточных средств, чтобы обеспечить безбедное учение сына в университете, и это побудило его избрать военную карьеру.

К этому времени определяются литературные вкусы Вронченко. Еще в пору кратковременного пребывания в университете он слушал профессора русской словесности, известного поэта Мерзлякова⁶. Теоретические построения профессора, его риторика не нравились юному студенту. Но темпераментные лекции, содержавшие разбор лучших произведений мировой литературы, прославлявшие Шиллера, романтически истолкованного Шекспира, способствовали углублению литературных интересов Вронченко.

Начатые в университете литературные занятия он продолжил и в школе колонновожатых. Воспитанники училища живо интересовались политикой, философией, литературой. Особенно ценилась новая романтическая поэзия, произведения которой заучивались наизусть. Ранние романтические веяния коснулись и Михаила Павловича. Он переводит только что вышедшие стихи Ламартина⁷. Лирический герой стихов мало соответствовал действительному характеру молодого Вронченко, обычно веселого и жизнерадостного. Но таков был романтический штамп, восходящий к Жуковскому, очень упрощенный и схематизированный.

Последующие переводческие искания Вронченко развивались в том же романтическом направлении.

В 1822 году Вронченко окончил училище и получил звание прапорщика по квартирмейстерской части, но оставался при училище до 1823 года в качестве руководителя практиками учащихся. Одновременно он пополнял свои знания. В феврале 1823 года Вронченко был направлен в распоряжение генерал-майора Теннера⁸, под руководством которого в то время производились триангуляционные⁹ работы в Виленской губернии. Очень скоро молодой, исполнительный и сообразительный офицер настолько завоевал доверие выдающегося ученого геодезиста Карла Ивановича Теннера, что тот поручил ему уже через четыре месяца совместной работы самостоятельное выполнение ответственного задания: установление тригонометрической связи между Виленской триангуляцией и городом Двинском (Динабургом). Что и было успешно произведено молодым офицером.

В конце 1824 года Вронченко, неудовлетворенный полученным в училище образованием, решил пополнить его по собственному желанию. Он добился командирования в Дерптский университет¹⁰ для изучения практической астрономии. Туда с этого года Военное ведомство стало направлять офицеров квартирмейстерской части для дальнейшего совершенствования в избранной специальности.

⁵ Училище колонновожатых – московское и Санкт-Петербургское военные училища по подготовке колонновожатых (юнкеров, готовившихся в офицеры генерального штаба).

⁶ Мерзляков Алексей Федорович – русский поэт, литературный критик, переводчик, профессор Московского университета.

⁷ Альфонс де Ламартин – французский писатель и поэт романтического направления, политический деятель

⁸ Карл Иванович Теннер – генерал от инфантерии, известен своими астрономическими и геодезическими работами.

⁹ Триангуляция (геодезия) – один из методов создания сети опорных геодезических пунктов, а также сама эта сеть. Включается в геодезическом построении на местности системы пунктов, образующих треугольники, у которых измеряются все углы и длины некоторых базовых (базисных) сторон.

¹⁰ Дерпт (ныне Тарту) – город в восточной Эстонии. Он известен престижным Дерптским университетом, основанным в XVII веке.

Там, под руководством известного в то время своими работами астронома Дерптского университета Струве¹¹, Вронченко приобрел основательные знания в астрономии и геодезии. Здесь же он ознакомился с методикой математической обработки результатов измерений. Привлекался к производившимся Струве триангуляционным работам и выполнял астрономические наблюдения. Одновременно Вронченко, стремившийся к широкому, разностороннему образованию, посещал, наряду с лекциями по математике, астрономии и геодезии, также лекции по другим предметам, в частности по литературе. За годы пребывания в Дерпте (1824—1827) он пополнил свое общее образование. Основательно изучив несколько иностранных языков (немецкий, английский, итальянский), он уже в то время использовал их знание для ознакомления с лучшими произведениями мировой литературы.

Именно в Дерпте, где Вронченко находился до 1828 года, раскрылось его переводное творчество. Он не был переводчиком-профессионалом. Поэтический перевод был увлечением, которому Михаил отдавал свободное от службы время.

Перевод «Гамлета», выполненный тогда Вронченко, был новаторским для своего времени. Он первый решился воссоздать пьесу Шекспира на русском языке в истинном виде, без произвольных изменений, какими отличались распространенные в начале XIX века французские переводы-переделки, и при этом старался, «решительно преодолев боязнь показаться странным, удержать сколько возможно необыкновенный его (Шекспира) способ выражения мыслей, часто столь же необыкновенных». Одобрение, которым был встречен перевод, побудило Вронченко продолжить работу над Шекспиром.

По окончании занятий в Дерптском университете Вронченко, в марте 1828 года выехал из Дерпта в Петербург, где ему было присвоено звание поручика. Он был зачислен в распоряжение генерал-квартирмейстера¹².

В следующем году, в связи с началом русско-турецкой войны (1828—1829), Вронченко был назначен на Балканский театр военных действий и в апреле был командирован в Молдавию, Валахию и Болгарию. Здесь Михаил Павлович производил астрономические определения географических координат различных пунктов, предназначенных для связи выполнявшихся особым отрядом топографических съемок. Были произведены также барометрические определения высот мест астрономических пунктов и в некоторых местах магнитные наблюдения.

Эти работы выполнялись не только в годы войны, но и в последующие (1830—1832), поскольку русские войска лишь постепенно эвакуировались с Балканского полуострова. Здесь Вронченко оставался до 1832 года. Ему было присвоено звание капитан.

Астрономические работы Вронченко в период 1828—1832 годов привлекли внимание ученых астрономов и создали ему большой научный авторитет. За свою деятельность был награжден Орденом Святой Анны 2-й степени.

В свободные часы он продолжал переводить европейских поэтов. Вронченко за это время достаточно хорошо изучил турецкий, болгарский, молдавский, старо- и новогреческий языки, что имело большое значение в дальнейшей его деятельности. Кроме того, он был отличный кавалеристом, прекрасно владел холодным и огнестрельным оружием.

Именно поэтому в 1833 году Вронченко, владевший в совершенстве турецким и греческим языками и имевший большой опыт по военно-географическому обследованию, был выбран для особой миссии. По поручению русского царя Николая Первого под дипломатическим прикрытием он был направлен в разведывательную военно-географическую экспедицию во владения Османской Порты в пределах полуострова Малая Азия. В его задачу входило

¹¹ Василий Яковлевич Струве – российский астроном, один из основоположников звёздной астрономии. Первый директор Пулковской обсерватории, член-учредитель Русского географического общества

¹² Генерал-квартирмейстер – одна из высших штабных должностей в армиях некоторых государств Западной. Европы в 16 – нач. 20 века. В России введена в 1701 году. Ведал вопросами изучения местности, организацией расположения и передвижения войск, подготовкой карт, строительством укреплений и др.

определение географического положения ряда пунктов и сбор сведений о населении, промышленности, торговле, климате и природных богатствах этой, почти еще не исследованной в то время страны.

Для выполнения этого поручения требовались не только специальные знания (по военным наукам, математической географии, картографии и пр.), но и физическая выносливость, умение ориентироваться и действовать в сложной обстановке. Эти качества в полной мере были присущи Вронченко.

В то время, путешествие по Малой Азии считалось предприятием в высшей степени опасным, сопряженным с риском непредсказуемых ситуаций.

В начале 1834 года Михаил Павлович выехал из Валахии в Константинополь. А оттуда он вместе с переводчиком и денщиками отправился в город Смирну. И на этом пути у Никомидии они встретили турецких рекрутов. С чего и началось наше повествование.

Через две недели после Константинополя Вронченко со своими подчиненными въезжал в Смирну. Проплутав по узким переулкам азиатской части города, маленький отряд выехал, наконец, на широкую дорогу. Это была уже европейская Смирна. Русские подъезжали к гостинице, когда впереди раздались крики. Улица вдруг заполнилась людьми, а потом также неожиданно опустела. Подъехавшие всадники увидели лежавшего навзничь человека, из груди которого лилась кровь. Рядом стояли несколько греков и ругались.

К вечеру хозяин гостиницы, француз, рассказал Вронченко подробности трагической истории. Год тому назад, в кофейне произошла ссора между двумя греческими рыбаками. Один из них убил другого ударом ножа и скрылся. И вот спустя год двоюродный брат погибшего выследил убийцу и отомстил ему. «Впрочем, – заключил хозяин гостиницы, – драки между лодочниками здесь нередки».

На следующее утро Вронченко прибыл в русское консульство и вступил в должность секретаря. Генеральный консул пожал ему руку и заверил, что сделает все возможное для подготовки экспедиции вглубь страны.

Мусселим (правитель) города Смирны внимательно прочитал фирман¹³ из Константинополя, отложил его и спросил:

– Так это вы – секретарь русского генерального консульства, которому мне приказано оказывать всяческую помощь при проведении географических работ?

– Капитан Вронченко, – представился русский офицер. На вид ему было за тридцать. Он был небольшого роста и хорошо сложен. Приятные черты лица с темными волосами и усами несколько портили холодный, и даже высокомерный, взгляд серых глаз.

– В чем будет заключаться ваша работа? – Голос мусселима звучал приветливо.

– Я буду ездить верхом на лошади по Анатолии и производить астрономические, топографические, маршрутные и другие измерения. Эти данные позволят составить более точные карты местности, что очень важно как для вашей страны, так и для всего мирового географического сообщества.

– Вы собираетесь ездить один?

– Нет, меня будет сопровождать чиновник константинопольской миссии, господин Моисеев, как переводчик. Еще со мной будет денщик. Конечно, мне нужны будут проводники. Для некоторых работ придется нанимать местных жителей. Сюда я буду возвращаться для обработки результатов и отдыха между поездками.

– Хочу вас предупредить, господин Вронченко, что ездить по некоторым нашим глухим местам весьма небезопасно.

– В этом я уже убедился, как только въехал в Смирну, – усмехнулся офицер.

¹³ Фирман (ферман) – указ султанов Османской империи

– А что случилось? – удивился правитель.

– На моих глазах перед кофейней убили человека.

– Ах, это... Ссоры между греческими рыбаками. Голь отчаянная. Один грек отомстил другому за своего брата, убитого покойным год тому назад, и скрылся. Здесь такое бывает.

– Надеюсь, полиция его найдет?

– Не знаю, – пожал плечами турок. – А вот, чтобы у вас не было проблем с местными властями, когда вы будете ездить по провинциям, я выдам вам паспорт, где к вашему имени добавлю титул «бейзаде» (князь), что заставит всех любопытных относиться к вашему путешествию с почтительностью.

– Буду весьма вам признателен, ваше превосходительство, – ответил с поклоном головы русский офицер.

– Добро пожаловать в Анатолию, бейзаде, – сказал ему на прощание мусселим.

Консул, выслушав Вронченко, посоветовал:

– Может вам испросить охрану для поездок?

– Не надо, – улыбнулся офицер, – мне ведь их придется кормить.

Два месяца Вронченко со своими подчиненными готовился к поездке и ждал разрешения. В свободное время они знакомились со Смирной и ее окрестностями, бродили по кривым улочкам и по товарным рядам. Дожди, которые так утомляли в марте, прошли, и теперь люди наслаждались весенней свежестью, ласковым солнышком и запахом моря. К середине мая все было готово, и 20-го числа немногочисленная русская экспедиция вышла в свой первый поход. Маршрут, намеченный Вронченко, шел с запада, от Смирны, на восток до центральной части полуострова, а затем на север, к Синопу на Черном море. Экспедиция состояла из Вронченко, как руководителя, драгомана Моисеева, одного казака-денщика и проводника. Все ехали на лошадях и были вооружены винтовками, пистолетами, саблями и кинжалами. Отряд дополняли три выючные лошади, нагруженные оборудованием для исследовательских работ, имуществом и припасами.

Первые дни двигались по равнине в окружении невысоких гор. Вронченко ехал молча, часто оглядываясь по сторонам и тщательно записывая увиденное карандашом на тряпичные лоскуты. Моисеев, наоборот, изнывал от молчания и вначале попытался поговорить с денщиком, но тот только буркнул в ответ несколько слов. Он вообще терпеть не мог турок и их порядки. «Я их рубал под Силистрией, – говорил казак, – они друга моего убили, а вот теперь дружбу с нами заводят». Впрочем, переводчик нашел себе собеседника в проводнике, словоохотливом турке. Так они и ехали впереди, болтая о всяком. Иногда в разговор включался Вронченко, справляясь об окружающей местности. Район был плотно заселен. Часто встречались небольшие селения, окруженные полями, на которых работали люди. Попадались и придорожные кофейни. Прямо у дороги, под деревом, сидел ее владелец, готовый тут же приготовить кофе для путников. Несколько раз Вронченко останавливал свою группу у какой-нибудь кофейни, отдохнуть и выпить чашечку напитка. Казак кофе не пил, просил принести воду. При каждой остановке вокруг русских собиралась толпа любопытных, от мала до велика. Начинался разговор, из которого Вронченко выуживал много сведений о местном быте. Как ни странно, но в этой местности, несмотря на мусульманскую настороженность, отношение к русским было доброжелательное. Каждый вечер капитан делал записи в полевую тетрадь и переносил чертёжики с лоскутов на бумагу. В двух небольших городках отряд сделал остановки на несколько дней. Вечером и ночью Вронченко проводил астрономические определения мест.

Некоторое время они ехали еще по низменности, а потом дорога стала уходить вверх. Отряд поднялся на Анатолийское плоскогорье. Теперь уже ночи стали прохладнее, хотя днем было по-прежнему жарко. Однажды вечером, возле местечка Ушак, после астрономических наблюдений, Вронченко и Моисеев лежали на рогоже и курили, глядя в бездонное, звездное

небо. От Луны струился приятный свет, и все вокруг казалось наполнено волшебством. Моисеев вдруг спросил:

– Скажите, Михаил Павлович, как в вас сочетается внешняя сухая строгость и романтическая увлеченность. Ведь вы не только хороший математик, астроном и геодезист, но прекрасный поэт, переводчик.

– А я и сам не знаю, – задумчиво проговорил Вронченко, глядя на тлеющий конец сигары. – Еще учась в гимназии, я имел склонность к математике, черчению и рисованию. Одновременно увлекался литературой, пробовал силы в стихосложении. Потом поступил в Московский университет, но, не закончив курса, перешел в училище колонновожатых, где готовили к службе по квартирмейстерской части Генерального штаба, выполнявшей астрономические, геодезические и топографические работы. После училища я продолжил обучение в Дерптском университете и там же начал переводить Байрона. Стихотворение «Сон» опубликовали. Мне нравились и геодезия и стихи. Я приступил к Шекспиру. В 1828 году вышел отдельной книгой «Гамлет» на русском языке в моем переводе и том же году меня направили в зону боевых действий на Дунае. С тех пор я живу в походных условиях. Уже без меня напечатили в Петербурге «Манфреда» Байрона и несколько переводов в Одессе.

– В 1828 году я заканчивал Петербургский университет, – тихо сказал Моисеев. – Мне довелось читать вашего «Гамлета». Отличный перевод.

– А у кого вы учились востоковедению?

– У профессора Сенковского Осипа Ивановича, на кафедре турецкого и арабского языков.

– Не знаю такого. Да и не мудрено, я ведь шесть лет не был в Петербурге.

– Сенковский – великолепный знаток Востока. Он сам проехал от Константинополя до Каира. Самостоятельно выучил ряд восточных языков. Когда-то служил в нашей константинопольской миссии и меня туда же рекомендовал. Кстати, он тоже хороший переводчик. А я вот только востоковед, ориенталист, стихов сочинять не умею, математику и астрономию не понимаю.

– Не отчаивайтесь, может, вы в чем-то другом проявите себя.

– Не знаю. Скажите, Михаил Павлович, вы, как я заметил, и сейчас работаете над каким-то переводом?

– Я перевожу «Макбет» Шекспира.

– О! – восторженно воскликнул Моисеев.

Вронченко лишь удовлетворенно хмыкнул от такой оценки своих трудов.

И они замолчали, продолжая любоваться звездным небом и думая каждый о своем.

Чем дальше на север продвигался маленький русский отряд, тем пустыней становилась местность. Голая, ровная, почти без холмов и возвышенностей, равнина. Реже попадались селения, меньше в них было населения. Почти исчезли придорожные кофейни. Люди здесь жили победнее, чем на побережье. Меньше было любопытства, больше подозрения и даже страха. Впрочем, помогал титул «бейзаде», даже местное начальство становилось подобострастней.

Вокруг населенных пунктов виднелись поля, засеянные пшеницей и кукурузой. Паслись отары овец, хотя трава была пожухлой и выгоревшей. Казак Григорий возмущенно топал ногой по земле и говорил:

– Если бы наши стада паслись на такой земле, они бы подошли с голоду!

Правда, во всех селениях и городках были колодцы и ирригационные каналы (арыки) для полива. В низинах встречались озера, некоторые из них соленые. Одно время экспедиция даже ехала вдоль реки Сакарья.

До местечка Ангора добирались вместе с караваном – десятка четыре мулов, навьюченные небольшими тюками. Как-то остановились на ночлег в хане (постоялом дворе). Не желая спать в душном помещении, русские поставили рядом палатку. Ночью к ним подобралась

шакалы, и чуть было не утащили сапоги, беззаботно оставленные на свежем воздухе. Благо не спал денщик и успел отогнать хищников головней из костра. Потом местные жители рассказали, что шакалы ловкие воры. Они ходят стаями и могут ночью подкрасться к спящим и унести все, что сумеют найти – сапоги, уздечки, шапки и другие предметы. По окрестностям бегало много бродячих собак, среди которых, по рассказам здешних жителей и к удивлению русских, не было бешеных. Так что по ночам часто слышались лай собак и вой шакалов.

За Ангорой дорога пошла в гору. Появились кустарники. Местность стала более лесистой. Люди и лошади начали уставать, сказались скудное питание. Перебравшись через хребет Кероглу, остановились отдохнуть в местечке Кастамония. Затем, перевалив через Западные Понтийские горы, стали спускаться к Синопу. Появилась влажность, в воздухе запахло морем.

В Синопе пробыли с неделю. Тут закончился первый круг поездки. Путешественники побродили по городу, заглянули на многоголосый базар, полюбовались морем и, конечно же, сходили в баню. Там в течение двух часов банщики распаривали, растирали, вытягивали и сжимали тела своих подопечных и только после этого их мыли.

После Синопа маршрут отряда лежал тоже в приморский город Самсун. Начинаясь второй круг путешествия. Они шли вдоль моря, а справа возвышались горы. Контраст удивительный. Правда, пришлось им пробираться и через болотистую местность в устье реки Кызыл-Ирмак, где обитали тучи комаров и мошкар.

В Самсуне путники основательно запаслись провизией для людей и ячменем для лошадей, так как путь их теперь лежал на юг, опять через Анатолийское плоскогорье. Спустившись до Кесареи, отряд сделал крюк и пошел на север к Кастамонии, вновь пересекая Анатолийское плоскогорье. В Кастамонии, где путешественники уже побывали ранее, закончился их второй круг. Третий круг они прошли вдоль северной, западной и юго-западной части плоскогорья, оставляя справа от себя горы, и закончили его в небольшом местечке Булавадин. Отсюда начинался четвертый, последний, круг их поездки. Он шел на юг, к берегу Средиземного моря. Сделав остановку в городке Конья, группа Вронченко подошла к горам Западного Тавра. Здесь им посчастливилось наблюдать живописное зрелище.

Была уже середина сентября, в горах наступили холода, и кочевые племена, да и жители окрестных селений спускались с гор, с летних пастбищ, на свои зимние квартиры, в кишлаки. Сперва тянулись бесконечные вереницы верблюдов, лошадей, ослов, мулов, коз и овец, затем – группы мужчин и женщин в пестрых костюмах. Верблюды несли самые тяжелые вещи: палатки, столбы и прочее, более легкая утварь была распределена между осликами и мулами. Вооруженные длинными ружьями, пистолетами и кинжалами мужчины шли пешими или ехали верхом на лошадях, в зависимости от достатка. Небогатые женщины следовали за мужьями пешком; те же, кто могли себе позволить некоторый комфорт, – верхом на муле, посадив детей перед собой или сзади. Богатые матроны устроились в своего рода корзинах, напоминающих по форме кузова маленьких карет. Обычно верблюд был нагружен двумя такими корзинами – по одной с каждого бока, где помещались женщины, утопающие в подушках и одеялах. Дополняли картину собаки, огромные и свирепые, которые показывали своим угрожающим видом, что они не подпустят чужаков.

Перевалив через Западный Тавр, группа Вронченко вышла к Средиземному морю у местечка Келендери. Отсюда четвертый круг продолжился по берегу на запад. Двигались тяжело. Наступил октябрь, и осень давала о себе знать. Похолодало. По ночам над болотистой, низменной, лихорадочной прибрежной местностью стлался густой, пахучий туман, который расходился только поздно утром. Днем еще припекало солнце, и от повышенной влажности тяжело было дышать. До крупного города Аталия они добрались уставшие, измученные и простуженные. Там отряд остановился на несколько дней.

Как-то под вечер Вронченко с Моисеевым сидели на набережной и молча курили. У их ног тихо плескалось море. Волны, то медленно уходили, расставаясь, то, будто раскаявшись,

вновь возвращались, разбивались с легким шумом о берег, засасывались песком, травами и пропадали. И тут же на их место приходили следующие. Вечное движение...

Неожиданно Моисеев спросил:

– Михаил Павлович, вы боитесь смерти?

Удивленный Вронченко ответил не сразу:

– Видите ли, мой друг, будучи у стен осажденной Силистрии, я добровольно побывал на наших батареях и в траншеях. Меня влекло туда желание обогатиться новыми ощущениями. Необъяснимое волнение чувствовал я, когда надо мной шипели ядра и свистели пули. От сознания, что стою перед вечностью, мне сделалось хорошо. Потом я понял, что не смерть пугает человека, а род смерти тяготит его душу. Тогда же меня обошли стороной чума и лихорадка. С тех пор я не думал о смерти. А ты-то почему спросил меня о ней?

– У меня нехорошее предчувствие.

– Так гони его прочь!

– Не знаю... Попробую.

А Вронченко вспомнилось, как однажды он чуть было не погиб от собственной неосторожности. Это было под Силистрией, на привале. Пока денщики готовили походный обед, он сел отдохнуть на какие-то выюки, не заметив, что у его ног лежит мешок с порохом. Ему захотелось покурить. Он высек огонь и, положив трут в трубку, начал ее раскуривать. Кто-то отвлек его и он обернулся. Горящий трут свалился и упал на мешок с порохом. Трубка не раскуривалась, и офицер, возвращаясь в прежнее положение, вдруг с ужасом увидел дымящийся трут на пороховом мешке. Мгновения хватило, чтобы снять огонь. Еще бы несколько минут и Вронченко взлетел на воздух.

Из Аталии они пошли через отроги Западного Тавра. От чистого, горного воздуха Моисеев повеселел. Но когда спустились к Средиземному морю у местечка Макри, переводчик снова начал кашлять. Пошли дожди. Здесь в устье небольшой речки, в узкой болотистой местности, втиснутой между двух гор, в воздухе неподвижно висела водяная взвесь. У Моисеева начался озноб. Поскакали в Кюджас, но тамошний лекарь только развел руками, дал какие-то пилюли и посоветовал делать укусовые компрессы. Вронченко нанял арбу, уложил на нее Моисеева, укутал его, и они двинулись в сторону городка Мугла. По дороге молодому человеку стало лучше. Он подозвал Вронченко и сказал:

– Михаил Павлович, вы помните, как мы искали могилу Ганнибала в окрестностях Никеи?

Вронченко улыбнулся. Тогда весной они спросили о захоронении у местного коджи, приходского учителя, старика лет семидесяти. Тот указал на курган за городом и сказал, что туда ходят, бог за чем, все проезжающие «френки», то есть европейцы. И когда они, усевшись на курган, готовы были объявить, что здесь покоится прах великого полководца, коджи вдруг, вероятно по наивности, добавил: «... правда, отец мой помнит, что прежде, в годы его детства, «френки» ходили к другому кургану. Однако со временем тот сгладился, его запахали и начали ходить к этому». Неудачные искатели вскочили и сбежали с кургана. Разрушилась мечта записать в дорожном журнале: «Сидел на могиле Ганнибала».

– Почему ты спросил об этом? – поинтересовался Вронченко.

– Я хочу сказать, что колья могилы знаменитого человека остались неизвестной, то уж про мою могилу забудут все.

– Не думай об этом. Ты выздоровеешь.

Вечером у Моисеева поднялся жар, и он впал в беспамятство. Утром молодой человек очнулся и попросил Вронченко прочитать что-нибудь из «Гамлета». Офицер только начал читать монолог «Быть или не быть...» и его спутник скончался.

Похоронили Моисеева в Мугле на греческом кладбище. На следующий день после похорон заболел сам Вронченко. У него поднялась температура и началась лихорадка. Он успел

дать указание денщику Григорию продать лошадей и добираться до Смирны морем. Казак на руках отнес своего хозяина на судно и не отходил от него до прибытия в порт. Вронченко проболел месяц, но выздоровел. Так закончилась первая поездка экспедиции.

За зиму Вронченко окончательно поправился и окреп. Во время своего выздоровления он читал газеты, которые ему любезно предоставлял хозяин гостиницы, консул и, иногда, мусульманин. Это помогало ему ориентироваться в событиях, происходящих в Османской империи и за рубежом. Из «Смирнинского курьера» офицер узнавал о местных новостях и сплетнях. Правительственные газеты – «Османский вестник» на французском языке, и «Календарь событий» на турецком – публиковали преимущественно официальные материалы. Но кроме указов и распоряжений, в них печатались также статьи, восхваляющие реформаторскую деятельность султана, информация о внутренних событиях, иностранные известия и даже стихи. Позже он стал посещать кофейни, бродил по городу, беседовал с различными людьми и слушал разговоры. Все полученные сведения и свои соображения Вронченко заносил в тетрадь, готовя, таким образом, материалы для определенной статьи своего «Обозрения». Кроме того, он не прерывал работу по переводу «Макбета».

Однажды ему удалось побывать на маневрах регулярного полка. В то время это было единственное турецкое воинское подразделение в Смирне, численностью 1500 человек. Вронченко был поражен неопрятностью офицеров и уродливостью солдат: фески засаленные и без кистей, шея и грудь открытые, поношенные полотняные куртки с цветными воротниками и оборванными пуговицами, панталоны немного ниже колен, а под ними голые ноги в изодранных туфлях.

В конце января Вронченко начал готовиться к новой поездке. В этот раз офицер решил ехать сам, с денщиком, взяв с собой еще проводника и двух вьючных лошадей с грузом.

– Я уже достаточно хорошо владею турецким и греческим языками, – говорил он консулу, – поэтому переводчик мне не нужен. Все научные работы провожу я один, а лишних людей держать незачем.

Экспедиция отправилась в путь рано, в марте. Вначале маршрут пролегал на юго-восток, по приморской дороге до селения Мугла. Время было неудачное – шли весенние дожди, погода стояла пасмурная, небо затянуто тучами. Вронченко ехал в турецком плаще с капюшоном, хмурый и недовольный. В Мугле он побывал на могиле Моисеева и отправился назад к местечку Айдин. Из-за погоды удалось сделать наблюдения лишь в трех пунктах. Из Айдина группа продвинулась к востоку, поднялась на Анатолийское плоскогорье и пошла на север. Погода установилась хорошая, и руководитель экспедиции повеселел. В городке Афиум-Кара-Гиссар, в котором они побывали еще во время первой поездки, закончился первый круг. Такова была методика проведения астрономических и съемочных работ Вронченко. Определения широт населенных пунктов он проводил по звездам, поэтому работал ночью, когда все, успокоившись, спали. При наличии четырех основных пунктов (Смирна, Синоп, Пера – предместье Константинополя и Аталия), установленных при английской описи берегов Средиземного и Мраморного морей, долготы остальных пунктов определялись путем перевозки хронометров, которые он носил у себя за поясом. Ограждая от сотрясения эти чувствительные приборы, он научился легко садиться на лошадь и слезать с нее, держаться в седле так, чтобы не было толчков, стоять на стременах, когда лошадь идет трусцой. Данные наблюдений Вронченко тайно заносил в полевую тетрадь, которую никому не показывал. Все маршруты имели общие пункты, которыми они связывались воедино, что позволяло контролировать точность наблюдения. Таким образом, один и тот же город экспедиция могла посещать несколько раз за поездку.

Из Афиум-Кара-Гиссар экспедиция направилась на юго-восток. В городе Кония, который они также посещали в первую поездку, закончился второй круг. Здесь Вронченко перепроверил

рил свои наблюдения и остался довольным. Его измерения оказались точны. Группа продолжила движение на юго-восток к городу Адана.

Перевалив через Центральный Тавр, они спустились в долину. Дальше проводник отказался идти, боясь, что его арестуют. В то время в Адане стояли египетские военные части. При въезде в город Вронченко и его денщика остановил патруль. Вначале, офицер решил задержать путешественников, но, прочитав в паспорте титул «бейзаде», тут же доложил начальству. Дивизионный паша, маленький полный человек с большим самомнением, принял Вронченко учтиво, но настороженно. Разговор шел на французском языке.

– Извините, бейзаде, но здесь ваш паспорт недействителен.

– Я ученый, провожу различные научные изыскания, необходимые всему мировому сообществу и в вашем конфликте с султаном, как иностранный подданный, не имею отношения.

– Но я обязан вас задержать, бейзаде, до решения моего начальства

Когда было нужно, Вронченко умел напускать на себя надменный вид.

– Хорошо, – холодно сказал он, – я остаюсь, ибо не могу драться один с вашей дивизией.

Но помните, что скажет об этом Мехмед-паша и что скажут самому Мехмед-паше.

Дивизионный паша смешался. Было видно, что он не знал, как поступить. Вронченко решил помочь ему.

– Знаете что, – произнес он небрежным тоном, – давайте сделаем так. Я сейчас покину город, но остановлюсь неподалеку, за пределами ваших полномочий. Поставлю палатку. Надо же мне и моим лошадям где-то отдохнуть.

Немного поразмыслив, паша согласился. Вронченко покинул Адану, но ночью все же провел астрономическое определение этого недружелюбного города.

Из Аданы путь экспедиции пролегал на север к местечку Нидге, который они посещали и в прошлом году. Здесь закончился третий круг. Отсюда русские пошли на север к городу Ангора. Где-то на полпути, они стали на ночлег. Утром их разбудил гул. А потом заколебалась почва. Это было землетрясение. Впрочем, толчки были недолгими, и вскоре путешественники отправились в путь. В местечке Кыршегр Вронченко сделал остановку и провел измерения. Здесь же в кофейне, которая гудела от взволнованных голосов, он узнал подробности грандиозного природного явления. Самые сильные толчки ощущались в районе города Кесария. Землетрясение было неслыханное, особенно на юг и восток от потухшего вулкана Аргеус. После многовекового молчания гора отозвалась страшным образом: столбы пламени вылетали из ее боков, шел густой дым. По рассказам испуганных свидетелей (не очень достоверным, как вывел про себя Вронченко) провалилась целая деревня, и на этом месте образовалось озеро. Землетрясение и огненные столбы возобновлялись в разные промежутки в течение полусуток. Потом гора замолчала. Вронченко помнил этот вулкан еще по прошлому году. Тогда гора, самая высокая в Анатолии, произвела на него сильное впечатление. Ее вершина покрыта вечными снегами, но снег лежит не сплошь и из него высовываются скалы в виде черных пятен, увеличивающихся по мере усиления жары. На всей горе нет ни леса, ни травы, только внизу, в лощинах и оврагах, жители разводят сады, огороды и виноградники.

Далее экспедиция добралась до самой большой реки Турции Кызыл-Ирмак, переправилась через нее и пошла по правому берегу. Пройдя некоторое время вдоль реки и полюбовавшись встретившимся на пути огромным озером, они перешли на левый берег и направились к Ангоре. В этом городе путники также побывали в прошлом году, и здесь закончился их четвертый круг.

Отдохнув в Ангоре, Вронченко продолжил маршрут прямо на юг к городу Кония, одному из узловых пунктов своего путешествия, где он уже останавливался этой весной. Они ехали по пустынной местности, знакомой еще по прошлогодней поездке. Перед ними простиралось необозримое монотонное плоскогорье, почти лишенное растительности. Лишь в балках и долинах, по берегам немногочисленных ручьев и сырых ложбинках можно было наблюдать

чахлые кустарники. На сухой, выжженной солнцем, земле росли странные растения в виде распластанных подушек, колючих и непроницаемых, напоминающих ежей. Кое-где на расстоянии друг от друга встречались полушарообразные кусты с редкими листьями, ветви которых были усажены шипами и покрыты густым войлочным пухом. Впрочем, плоскогорье нельзя было назвать по-настоящему гладким, так как в основном оно было всхолмленное, пересеченное по всем направлениям возвышенностями. Был конец августа, днем стояла жара, а по ночам одолевал холод. Припасы кончились, и путешественники вместе с лошадьми голодали.

Наконец они прибыли в Конию, где закончился их пятый круг. Отсюда экспедиция пошла на запад по более плодородным местам, с озерами и речками. У местечка Аллашегр Вронченко спустился с плоскогорья в долину, завершив шестой путь и проверив еще раз свои измерения. Последний седьмой круг был короткий – через Айдин в Смирну.

Отдохнув немного в Смирне и приведя в порядок свои записи, Вронченко совершил в конце сентября вторую поездку. Первый круг прошел по приморским районам Эгейского моря, затем в Брусу и на юг к местечку Кутайя, известному с прошлого года. Отсюда начался второй круг, который завершился, как всегда, в Смирне. Наступила осень, хотя и без дождей. Вронченко усиленно работал, приводя в порядок записи и чертежи. Он собирался домой в Петербург, решив по пути сделать еще один круг. Сердечно попрощавшись со всеми знакомыми, Вронченко в конце ноября выехал из Смирны, добрался до Мраморного моря, а оттуда на суденышке прибыл в Константинополь. Пробыв в столице Османской империи больше месяца, он после Рождества отправился в Россию.

В марте 1836 года Вронченко наконец-то добрался до Петербурга. Остановился он у своего старшего брата, Федора Павловича, занимавшего высокий пост товарища министра финансов. Вечером, после ужина, когда братья, расположившись у камина, закурили сигары, Федор спросил:

– Ну, Михаил, как там турецкие женщины?

Младший брат рассмеялся:

– Ты неисправимый циник, Федор!

– А ты думал, я буду спрашивать о твоих геодезических изысканиях, в которых я ни черта не понимаю?

– Знаешь, я вынужден опровергнуть общепринятое мнение о забитости и затворничестве турецких женщин. Они уже не являются рабынями мужей, а среди простого люда можно даже провести равенство между супругами, разве что женщины прилежнее мужчин и старательнее в быту. В основном каждый имеет одну жену. Когда знатный турок женится на дочери человека сильного и влиятельного, он иногда даже дает обязательство не брать другой женщины. Ну а если жена попадается сварливой и злой, то он так и мучается всю жизнь, боясь развестись из-за страха перед тестем.

– Да ну! Вот и тебе, Михаил, урок. Не спеши жениться, а то тебе попадет такая вздорная женушка и будешь терпеть.

– А я и не собираюсь, пока.

– Ладно, – сказал Федор, – завтра я уезжаю на неделю, а ты готовь свой отчет. Когда приеду, ознакомлюсь с ним, по крайней мере, с теми разделами, которые меня интересуют.

К середине марта Вронченко представил в Генеральный штаб карты, в количестве 128 листов и приложенным одним сборным, 14 особых планов, отчеты и описания Турции. Начальник Генерального штаба, докладывая Николаю Первому, дал высокую оценку работе Вронченко.

– А знаете что, – сказал император, – пригласите-ка его ко мне на аудиенцию. Хочу порасспросить кое о чем. Он ведь еще числится в моей свите?

– Так точно. С 1822 года он, как офицер Генштаба, находится в свите вашего императорского величества.

Спустя два дня Вронченко вошел в кабинет царя и доложил по форме. Николай Первый стоял у стола с разложенной картой.

– Подойдите сюда, господин капитан, – сказал он.

Когда офицер подошел, император положил руку на карту и продолжил:

– Вот полуостров Малая Азия. Данные на нее нанесли австрийцы еще в прошлом веке. Видите сколько здесь белых пятен. Сможет ли ваша работа закрыть их?

– Ваше императорское величество, – спокойно ответил Вронченко, – если на карту, что перед вами, нанести зафиксированные мною сеть дорог, описание берегов и рек, то она преобразуется – реки переменят свое течение, а некоторые исчезнут и появятся новые, передвинутся даже горы и города. За два года я проехал на лошади 10 тысяч верст, всю Анатолию вдоль и поперек. Во время поездок непрерывно велась маршрутная съемка местности. Я определил астрономически, то есть по широте и долготе, координаты 100 пунктов Малой Азии, что придаст карте прочную основу. Мои данные достоверны, потому что я в своей работе соблюдал правило: руководствоваться лишь теми сведениями, которые мог приобрести лично, или распросами, которые потом перепроверял.

– Хорошо, я ознакомлюсь с вашим отчетом позже. Сейчас мне бы хотелось знать ваше мнение, ваши наблюдения и соображения по двум вопросам: состояние турецкой армии и флота. Вы только что прибыли оттуда и у вас, очевидно, есть свежие сведения?

– После того, как султан Махмуд Второй в 1826 году уничтожил янычарский корпус и стал строить армию по европейскому образцу, реформы продолжаются. Обмундирование новой пехоты – смесь переднеазиатской одежды с европейской: куртки русского покроя и турецкие шаровары, английское оружие и татарские седла, французские уставы и инструкторы со всех стран света. В новой армии острая нехватка офицерских кадров. В последние дни перед отъездом из Константинополя я прочитал в турецких газетах, что правительство намеревается привлечь для обучения армии французских инструкторов, а для флота – английских...

– Этого я и боялся! – прервал доклад офицера император. – Мне уже докладывали о возможности такого вероломства, и вы теперь подтверждаете. Как можно при союзнических отношениях между Портой и Россией обращаться за помощью к тем странам, с которыми у нас отношения натянутые! Нашему посланнику в Константинополе придется убеждать Махмуда Второго в непристойности этой меры. Пусть приглашают прусских и австрийских инструкторов. Впрочем, продолжайте, господин капитан.

– В августе 1834 года султан издал указ о создании территориальной милиции под названием «резервное победоносное мусульманское войско», коротко «редиф» по-турецки. Оно будет использоваться лишь во время войны. Лица, вступившие в милицию, не подлежат набору в регулярную армию. По-моему, здесь преследуются две цели: организовать многочисленное войско, которое сильно поредело после двух войн (в 1828-1829 годах с нами, и в 1831-1832 годах с Мухаммедом Али), и в то же время сократить набор рекрутов в постоянную армию, что тяжело сказывается на положении в сельском хозяйстве и вызывает озлобление крестьян. Редиф состоит из молодых мусульман-добровольцев. В одном месте берут по 1 человеку на 40-50 домов, в других – больше или меньше. Раз в неделю милиционеров обучают военному делу. Учителя – солдаты, унтер-офицеры и офицеры регулярных войск. Остальные дни милиционеры находятся дома и заняты в своих хозяйствах. Носят они обычную одежду. Лишь десятские и сотские получают из Константинополя мундиры и тесаки. Мундиры они одевают на свою обычную одежду, что придает им странный вид. Турецкая молодежь охотно записывается в редиф, так как это дает ей возможность попасть в число людей, стоящих выше простых смертных, и иметь повод ничего не делать. Таким образом, на сегодняшний день турецкая сухопутная армия состоит из трех частей: «регулярного победоносного войска», султанской гвардии

и редифа. Что касается флота... Да, Махмуд Второй пытается создать боеспособный морской флот. Однако для этого у турецкого правительства нет пока ни развитой судостроительной промышленности, ни финансов, ни кадров строителей, ни должного опыта. А те военно-морские суда, которые при помощи иностранных специалистов все же были построены на единственной пригодной для этого верфи в Константинополе, Порта не смогла еще обеспечить квалифицированными командами и в особенности умелыми офицерами. Мелкие суда строятся еще в Никомидии. Я имел возможность видеть, как строится там корабль. Местный правитель (мусселим), он же и начальник адмиралтейства, получил повеление: построить 46-ти пушечный фрегат, лес получить из таких-то мест, железо – из других. Для распоряжения по механической части прислан из Константинополя архитектор-практик, турок, ничему не учившийся теоретически, от роду ничего не читавший, кроме несколько страниц Корана, затверженных еще в детстве. И вот деревья доставляются в виде подати за весьма скудную плату жителями ближайших лесистых гор, работники вербуются то по найму, то за обещание льгот или покровительства, то в наказание за проступки, действительные или мнимые. Мусселим, которому на все издержки отпущена, или, по крайней мере, обещана сумма, известная наперед, экономит, сколько может: бракует получаемый лес и железо и употребляет бракованный материал в дело, заплатив за него половинную цену. С работниками нередко рассчитывается не пиастрами, а палочными ударами по пяткам. Три-четыре года, и фрегат готов! Каков он будет, никто не знает, хотя по виду недурен. Султан тратит много средств на строительство новых судов, лично проявляет большой интерес к этому делу, приглашает в качестве строителей иностранных инженеров (в частности шведов), сам нередко посещает верфь, наблюдает за постройкой кораблей, но крайний недостаток в подготовленных экипажах и офицерах морской службы в значительной степени обесценивает его усилия. На высшие командные должности назначаются невежественные люди, не имеющие представления о военных судах и управлении флотом. Команды судов пополняются рекрутами, набранными в прибрежных областях, а то и разным сбродом, схваченным на улицах городов. Для обучения военно-морскому делу Махмуд Второй послал несколько человек на запад, но эта небольшая группа не может восполнить огромную нехватку в офицерах флота. В результате боевые качества турецкого флота на сегодняшний день крайне низкие.

– Ну что ж, – сказал Николай Первый, внимательно выслушав офицера – вы хорошо поработали. Надеюсь, что и дальше ваша служба будет такой же достойной.

Задав еще несколько вопросов, император отпустил офицера. Потом он вызвал секретаря:

– Приготовьте приказ о производстве Вронченко в подполковники. Я думаю, он заслужил это. И назначьте ему пожизненную пенсию в размере двух тысяч рублей.

Спустя шесть месяцев царь, ознакомившись с отчетом Вронченко и его «Обозрением Малой Азии в нынешнем ее состоянии», не мог скрыть своего удовлетворения.

– Весьма убедительно, – сказал он начальнику Генерального штаба. – Труд большой и хороший. Теперь мы и в этой науке имеем первенство перед Европой. Думаю, Вронченко достоин чина полковника.

Ввиду высоких литературных и научно-географических достоинств этот труд был рекомендован профессором Дмитрием Перевозчиковым для изучения как блестящее страноведческое исследование.

А Вронченко тем временем, получив отпуск, заканчивал перевод шекспировского «Макбета». В 1837 году это произведение было выпущено в свет отдельной книгой.

В 1838 году он был награжден Орденом Святого Владимира 3-й степени и единовременной выдачей ему 5000 рублей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.